

«Параджанов подделывал мой автограф на туфельках и устраивал аукцион»

Майя Плисецкая впервые рассказывает, как она 25 лет назад оповестила мир о досрочном освобождении знаменитого кинорежиссера из украинского лагеря

Гагик КАРАПЕТЯН,
«Новые Известия»

Долго не решался позвонить Майе Михайловне: почему-то внял прогнозу племянника Сергея Иосифовича — Гарики Параджанова (он же — Хачатуров, он же — Анин): «Плисецкая ничего путного не расскажет». Действительно, ни в мемуарах «Я — Майя», ни в воспоминаниях классиков параджановской (Василий Катанян-младший, Вениамин Смахов, Алла Демидова...) нет ни строчки о ее общении с Параджановым.

Наконец, решился позвонить на Тверскую, где домашняя помощница Майи Плисецкой и Родиона Шедрина, любезно продикував номер мюнхенского факса, посоветовала загодя переслать им письмо с вопросами и координатами. Спустя пару тройку недель услышал длинные трели телефона — Майя Михайловна согласилась: удобнее беседовать по телефону.

— Могли бы вы вспомнить, когда и при каких обстоятельствах познакомились с Сергеем Иосифовичем?

— Я встречалась с ним немного. Но всякое общение с Параджановым оказывалось замечательным и интересным. Кроме того, его персона весьма часто становилась темой разговоров в доме Лили Брик, принимавшей огромное участие в его драматической судьбе. Помню, она показывала мне лагерные работы Параджанова: вылепленные из хлебных мякишей и расписанные в диковинные цвета кролики, слоники... Лили читала вслух его занятнейшие письма из тюрьмы. Помню, как она уговаривала, заставляла Луи Арагона стучаться в высокие партийные двери Москвы, вплоть до Брежнева, с требованием об освобождении Параджанова. Еще помню, как Сергей Иосифович, вызволенный из тюрьмы при содействии Лили, даже не позвонил ей, оказавшись на свободе, не сказал обыкновенного «спасибо»...

— Когда впервые увидели Параджанова?

— Я танцевала в Тбилиси в конце 60-х и была приглашена к нему в гости. Сергей Иосифович готовился к нашей встрече отменно. Помню высокую деревянную лестницу во дворе, которая вела на открытую террасу. Там стояли вазы с крапивой, листьями винограда... При входе на балкон нас встречал молодой парень, разряженный в султана и с подносом фруктов в руках. И он не дышал, ибо был «превращен» в статую. Тот парень свято чтит Параджанова, вырвавшего его из беды. «Он — вор», — громко объявил мне Сергей Иосифович. Везде горели свечи, на стенах висели коллажи, на полу лежали старые, разноцветные ковры в заплатках, которые он сам делал. Хотя Параджанов уверял: на них спал какой-то Мухаммед Пятнадцатый.

Сергей Иосифович нередко присылал мне в Москву подарки — самодельные ожерелья из сушеных фруктов и овощей, халат вековой давности, вязаное полотенце, красные шлепанцы с задранными носами (их носил якобы некий султан или тот же Мухаммед Пятнадцатый). Параджанов был невероятным фантазером. При его беденстве то были настоящие художественные произведения. Причем он все делал собственноручно.

Тогда же Параджанов попросил подписать мои балетные туфли. И почему-то попросил сразу три пары. А у меня их было с собой много — я танцевала в столице Грузии не один день, поэтому имелся запас. Получив эти подарки, он был абсолютно счастлив. Все было замечательно, но потом он продал туфельки коллекционеру. После чего на вырученные деньги устроил пир.

— Естественно, с вашим участием?

— Нет. Все происходило после моего отъезда. Позже, когда он в очередной раз общился, где-то доставал балетные туфли, сам подписывал «Майя Плисецкая» и устраивал аукцион.

У Параджанова была замечательная идея, которую не удалось осуществить: он мечтал поставить фильм «Рыжий Демон». Чтобы я играла Демона. Причем обязательно рыжего, как я (смеется). Представляю, как это было бы здорово!

Это малоизвестно, но я знаю точно: он подал в наше правительство прошение о своей эмиграции в Иран. Собственно, это и есть, на мой взгляд, главная причина его последующих невзгод.

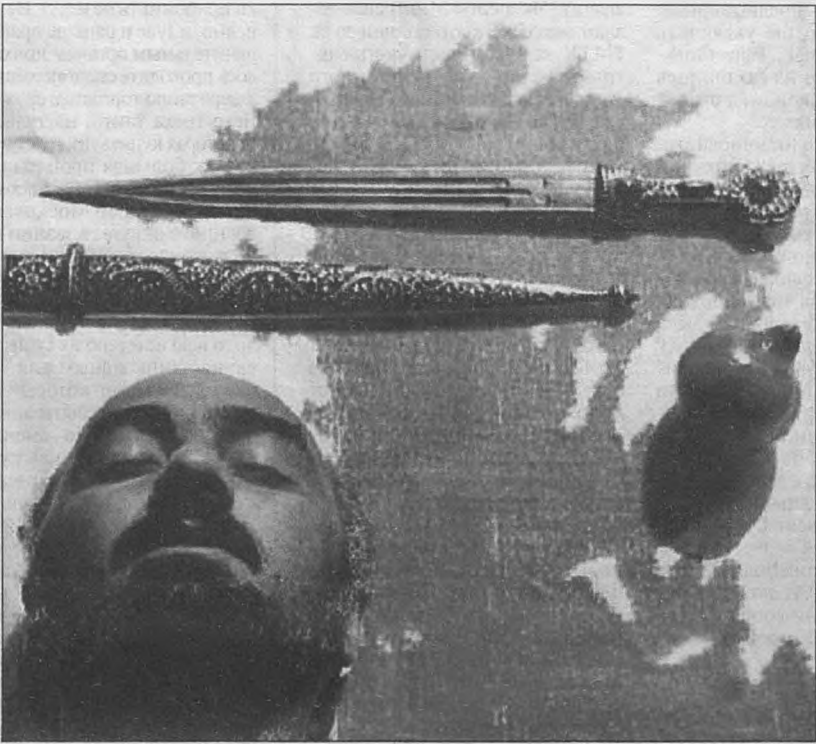
— Интересно услышать вашу версию «технологии» освобождения Параджанова из украинских лагерей...

— Рассказываю все, что знаю о нем. Поэтому не фантазирую в отличие от Сергея Иосифовича. О его освобождении из украинского лагеря в конце 1977 года мне сообщил Арагон. Он был на правительственном концерте, где присутствовал Брежнев. В антракте Арагон зашел в мою гримборную: «Параджанов будет освобожден!». Значит, Арагон договорился с Брежневым.

Арагон говорил по-русски. Но иногда он делал вид, что немного глуховат. Эльза Триоле говорила: когда Арагон не хочет о чем-то знать, он не слышит. Когда он передал мне радостную весть, я была в полном восторге.

— Вы были знакомы с Арагоном наверняка через Брик?

— Я у Арагона и его жены Эльзы Триоле, сестры Лили, жила месяц в Париже. Когда в 1961 году проходили мои первые гастроли в «Гранд-Опера».

Гранаты и шляпы из листьев — любимое обрамление коллажей и эскизов Параджанова.

— По сути, вы первая узнали о долгожданном освобождении Параджанова. С кем прежде всех поделились сенсационной весточкой от Арагона?

— После спектакля сразу позвонила Лили. Еще раз подчеркну: Эльза и Лили здорово давили на Арагона. Он этого бы не стал делать.

— Более того, Катанян-младший рассказывал: Арагон, объявивший бойкот Кремлю после ввода советских войск в Чехию, в Москву приехал не по случаю получения ордена Дружбы народов, а ради встречи с Брежневым, чтобы попросить об освобождении Параджанова.

— Очень возможно. Ибо Лили по телефону сильно «нашпиговывала» Арагона. Но об этом могу догадываться, ибо Арагон не только знал и о Параджанове, и о том, что случилось с ним.

— Как считаете, Параджанов был психологически не любим властями Украины или ту опалу сам спровоцировал?

— Наверное, и то, и другое. Но то, что он лез на рожон, абсолютно верно. Ведь попросить визу, и не просто визу, а захотеть эмигрировать в Иран — кто бы догадался в те годы?!

— Не от хорошей жизни Параджанов решил покинуть родную страну?

— Думаю, от хорошей жизни никто этого не делал. А Параджанов был маленько сумасшедший, но очень талантливый.

— Майя Михайловна, говорят: все гении немного сумасшедшие?

— И да, и нет. Не все (смеется).

— Чувствовали ли вы некий заговор, задуманный где-то в «верхах» против Параджанова?

— По-моему, подобное суждение все-таки преувеличение. Он сам на это лез. Особенно «старался» его язык, поведение. Он умышленно делал все, что нельзя. Все, за что может «нагореть».

— Получается, выдающиеся фильмы Параджанова («Цвет граната», «Тени забытых предков»), его коллажное зрение вызвали боязнь у советского государства?

— Оно боялось всего. Государство запретило такую невинную вещь, как мою «Кармен-сюиту». Вместо второго (по счету) спектакля в Большом поставили «Щелкунчика». Если столь маленькие и молчаливые вещицы запрещали, представляете, что вытворял Параджанов. И как они могли смотреть на это сквозь пальцы. Они арестовывали безвинных людей.

— Удалось ли увидеть Параджанова после лагерей?

— Нет. Я уже не приезжала в Тбилиси, а он не жил в Москве.

— Из того, что знаете и слышали о нем, 15 лет молчания Параджанова — результат его лагерно-тюремных скитаний?

— И да, и нет. Он всегда хотел делать то, что не разрешалось, и делал то, что запрещалось. Что значит «15 лет молчания»? Ему все равно ничего не дали бы творить, даже если бы он открыл рот.

— Годы молчания сломали-таки Параджанова?

— Не уверена. Думаю, если бы ему дали возможность работать, он бы натворил что-нибудь очень интересное.

— Знаете, Параджанов говорил Тарковскому (и не только ему): «Андрей, тебе нужно посидеть в тюрьме, хотя бы год...». На ваш взгляд, что имел в виду Параджанов?

— Жизнь за решеткой — большая школа. Насколько мне известно, он хотел снять свой фильм о лагерной жизни. И понимал, что ему не дадут это сделать.

— Вы правы. Параджанов в разговоре с Гуэррой признался, что задумал 4 сценария на лагерные темы. Один из них хотел подарить Гуэрре, но тот отказался... В конце концов Параджанов, будучи тяжелобольным, надиктовал сценарий для Ильенко, который снял фильм «Лебединое озеро. Зона».

— Почему Параджанов так и не смог вернуться к лагерной тематике?

— Параджанов в конце концов понял: ему уже ничего не дадут делать.

— Не предполагаете, что у таких Мастеров, как Параджанов, имелась некая

Сергей Параджанов не только мечтал, чтобы Плисецкая сыграла главную роль в фильме «Демон», но и подготовил эскизы для ее костюмов.

планка качества и постоянный страх девальвации своего реноме — мол, каждая их новая работа может оказаться ниже вершин, которые они прежде с трудом преодолели?

— Не знаю. Но такой человек, как Сергей Иосифович, вряд ли имел чувство страха.

— Вы видели его лагерные работы и письма, которые Параджанов присылал Лили Юрьевне. Он однажды написал: «Я оставил свою энергию в тюрьме, где стал художником». И Параджанов привез «оттуда» ни много ни мало — 800 работ! Кинорежиссер Балаян считает, что все цифры Параджанова нужно делить минимум на четыре: мол, за решеткой никто и никому не позволил бы создавать творческую мастерскую. Ваше мнение по этому поводу?

— Но ведь все эскизы чего-то делали. Самое главное — ему не разрешали фильмы снимать. Он и не снимал. А лепить куклы ему не возбранялось.

— У вас остались подарки от Параджанова?

— Нет. Был ремонт, переезд. Пропали письма, документы, фотографии. Я дала одному журналисту пару тяжелых чемоданов моего архива, чтобы донести в ЦАЛИ. А он оставил их у себя дома, где случился пожар. Потому что он пьяница и курящий.

— Когда гостили в Тбилиси, не фотографировались с Параджановым?

— Нет. Тогда у нас не модно было делать фотографии, как сейчас.

— Случаем вы не знакомы с Шеварднадзе?

— Знакома. А что?

— Когда Шеварднадзе руководил Грузией в начале 80-х, Параджанов просидел 11 месяцев в тбилисской тюрьме, а освобожден был из зала суда под давлением творческой интеллигенции Грузии, России, дру-

гих стран. Как бы вы «расшифровали» двоякую роль Шеварднадзе в данном контексте?

— Думаю, на Эдуарда Амвросьевича и сначала «надавили» («посади Параджанова!», а потом еще раз «надавили» («отпусти Параджанова на свободу!»).

— Шеварднадзе в ходе беседы для «Новых Известий» три года назад дал понять: в «деле» Параджанова он имел противостояние с КГБ.

— В том-то и дело. Думаете, Шеварднадзе было легко? Человек он умный, понимающий, знающий, прошедший огонь, воду и медные трубы.

— Коммунистический режим, делая из таких людей, как Параджанов, своих жертв, в определенной степени способствовал популяризации подобных личностей, даже мифов о них. Неужели в агитпропах Москвы, Киева, Еревана и Тбилиси не понимали этого?

— Там очень многое не понимали. Поэтому что, кроме абсурда, ничего не делали: не выпускали людей за границу, делали себе карьеру, запрещали все и вся... Но они очень многим это сделали. Начиная с 17-го года.

— С началом «эпохи Горбачева» Параджанов, по собственному выражению, «просидевший три пятилетки в ГУЛАГе», стал постоянно выезжать в капстраны (за полгода в 4 государства!), где нередко заявлял: «Я — экспонат перестройки». В чем был замысел Кремля (если он имелся) по отношению к Параджанову?

— Тут не в нем было дело. Горбачев хотел всему миру показать, какой он хороший, как он сломал Берлинскую стену, как он отпустил на все четыре стороны Параджанова, других узников режима...

На деле Горбачев делал себе карьеру, или, как сейчас принято говорить, заботился о своем рейтинге и дома, и за рубежом.

Поведение Параджанова на киносъемках — неповторимы и забавный театр.

— И все-таки Система отомстила Параджанову?

— Конечно. Раз она ему не давала возможности делать то, что он мог и умел. Она ему мстила всегда.

— Должен признаться: некоторые мои собеседники скептически считают, что даже поколение 70 — 80-х, не говоря о нынешнем, не будет интересоваться фильмами Параджанова...

— Думаю, они заинтересуют-таки людей XXI века. То, что талантливо, всегда интересно. В любое время. То, что сделано, так сказать, в злобу дня (в живописи, музыке, балете, опере), умрет обязательно.

— Какое определение вы бы дали 15 годам молчания Параджанова?

— Но ведь и в балете то же самое происходило: у нас не работали гениальные балетмейстеры — Леонид Якобсон и Касьян Голейзовский. Последний не трудился не 15 лет, как Параджанов, а все 30! Голейзовский зарабатывал на хлеб ночным сторожем в гастрономе. Якобсону не дали делать ничего: он готовил 1-й акт, а ему говорили: «Хватит! Второй уже не нужен — нам это не нравится». Ему ничего не давали делать из того, что он мог. Если сравнить его с западными хореографами, например, Бежару заказывали то, что запрещали Якобсону.

— Простите, но и с вами (причем многие годы) так же скверно поступают...

— Я уже упомянула о «Кармен-сюите». А что вытворяли с «Анной Карениной»? Повеситься можно было! Когда на репетиции 2-й состав не пускали в зал посмотреть! Были закрыты двери — церберы стояли чуть ли не с палками.

...Знаете, потом, когда Голейзовскому все разрешили, он уже не смог. А Параджанов бы смог. Почему? Может, духом сильнее. Знаете, в нашем деле тренировка нужна. А если он ничего не делал, «вдруг» шедевр создать невозможно. Голейзовский ведь не работал, не шел вперед; что-то ставил, но в том же духе, что и прежде. Допустим, знаменитые американские «Герлз» придумал Голейзовский до 1920 года. А считалось — американская выдумка. А судьба Параджанова — далеко не уникальных случаев.

— То есть Система очень точно выбирала свои жертвы...

— Система не «находила» их. Система смотрела, что ей надо. А то, что ей не надо — не дадим сделать!

— Система для своих жертвоприношений использовала не «серых» людей, а искала необыкновенных личностей...

— А «серого» человека не надо останавливать: он ничего не может.

— Вокруг Параджанова, тех же замечательных личностей балета клубились завистники среди коллег. Они не прощали славы и таланта необыкновенных людей, считая, что триумф подобных личностей — награда за их необыкновенность...

— Обязательно так!

— А «верхи» раздражались, ибо подобные личности инкомыслием могли разбудить массы, сдвинуть их с «мертвой точки»... Неужели это будет продолжаться и в нынешнем веке?

— Абсолютно так. Не во власти дело. Дело в завистниках, которые всегда были, есть и будут. Потому что род человеческий — плохой.

— Неужели нормальные люди обречены?

— Мир обречен. Думаете, на Западе лучше? Там горло конкурентам перегрызают. Это биология человека. Плюс биология власти.

— «Биология власти» — замечательная находка!

— Я нечаянно сказала.

— Недавно отмечали юбилей Большого — 225 лет: награждали даже контролеров, а вас не было в Москве... Было грустно и мерзко одновременно.

— Спасибо, но мне там нечего было делать (смеется). Но до этого не менее замечательно отметили мой юбилей. Лучшего себе уже не пожелаю.